

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

К ТИПОЛОГИИ НАСИЛИЯ. ДЕСКРИПТИВНАЯ ВЕРСИЯ

© 2017

М.А. Мануильский



**Мануильский
Максим**

Анатолевич — кандидат философских наук, заместитель главного редактора “Человек”, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: manuil'skiy@mail.ru

Периодически в научной литературе резко усиливается интерес к теме насилия. Обычно это является следствием всплеска очередной волны терроризма. Перед академической наукой возникает задача разработать типологию насилия и определить в ней место терроризму.

По нашему, мнению одной из причин, затрудняющих создание подобной классификации является использование сущностных характеристик насилия в качестве основных критериев типологии. Главными признаками насилия считаются принуждение (вплоть до узурпации свободы воли) и нанесение физического или психологического (морального) ущерба. При всей значимости этих параметров такая конфигурация ограничивает пространство поисков степени *явленности* этих характеристик, а также *формой* осуществления. В первом случае речь идет о шкале больше — меньше: массовое насилие — точечное насилие; невосполнимый ущерб — восполняемый ущерб. Во втором — о диапазоне действий в континууме “спонтанное насилие — организованное насилие”: уличная драка — ограбление банка — военные действия. Понятно, что упомянутых абстрактных понятий *меры* и *формы* недостаточно,

да и сама задача выработки критериев типологии лежит в иной плоскости, чем проблема критериев насилия.

Мы предлагаем на время отказать от умозрительных рассуждений и подойти к проблеме типологии с другого конца — не с теоретического, а с эмпирического, то есть, предлагаем систематизировать **имеющиеся** представления о насилии. Под систематизацией в данном случае имеется в виду не построение многомерной классификации — это задача будущего. Наша цель скромнее: первичная каталогизация и описание.

Целесообразно, по-нашему мнению, выделить исторически сложившиеся типы насилия вне зависимости от их социального масштаба, культурно-антропологической значимости, “моральной маркировки”, степени взаимопересекаемости видов. Образно говоря, мы намереваемся поместить в библиотечный каталог на букву *Н* книги, название которых начинается на эту букву, выпущенных в разные годы разными авторами в надежде на то, что впоследствии удастся систематизировать каталожные карточки по четким и обоснованным критериям. Для удобства работы и наглядности каждому типу насилия

будет присваиваться цифровое значение.

Естественно, при отборе форм (разновидностей) мы руководствовались некими представлениями о насилии. Характеристика “ущерб” рассматривалась как интуитивно очевидный параметр. Под принуждением понималось действие, которое склоняет людей к нежелательному или неприемлемому развитию событий даже в ситуации, когда акция имеет легитимный, законный характер. Крайней точкой принуждения другого индивида является лишение его способности к сопротивлению, а радикальным способом достижения такой цели выступает убийство.

Но основным принципом отбора выступала культурно-историческая укорененность данного вида насилия (“так исторически сложилось”), даже если какой-то частью социума существующая практика считается морально неприемлемой.

В своей работе мы, естественно, опирались на предшествующие разработки. В литературе предпринимались попытки типологизации насилия. Наиболее часто встречаются бинарные модели, в основе которых — стремление: а) отделить насилие от ненасилия (дабы избежать отождествления насилия с властью или его трактовку как вообще разрушительной силы [5, с. 36]) , б) противопоставить его функционально необходимые разновидности деструктивным (например, версии о существовании насилия в узком и широком смыслах слова [9]). Весьма распространены попытки создать типологию, взяв за основу сферы духовно-практической жизни. Выделяют, например, физическое и психическое насилие; бессмысленное [6] и целенаправленное, адресное; криминальное и повседневное, бытовое [1] и т.д. Много внимания уделено таким характеристикам как исторические формы насилия (вооруженное,

несистемное), социальное нормирование (одобряемое — неодобряемое). Все эти наработки мы постарались учесть.

Широко распространено мнение, что насилие — неотъемлемый атрибут жизнедеятельности вида *Homo sapiens*, признак отличающий его от животных, поскольку существующее в животном мире насилие имеет инстинктивный, а не целенаправленный, избирательный характер. Наиболее распространенной формой проявления насилия выступает агрессивное поведение. Некоторые авторы предлагают разделять насилие и агрессию (см., напр.: [5]). По нашему мнению, агрессивные действия/реакция индивида, направленные на принуждение другого индивида и нанесение ему ущерба (пусть, психологического) являются независимо от мотивов насилием. Обозначим его как **насилие I**. Эрих Фромм, подробно исследовавший проблему, предлагал различать биологически адаптивную, агрессию, способствующую поддержанию жизни, и злокачественную агрессию, не связанную с сохранением жизни [8]. По мысли ученого, злокачественная агрессия характерна только человеку; она приносит биологический вред и социальное разрушение. В основе злокачественной агрессивности лежит не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека.

Косвенным подтверждением того факта, что насилие выступает специфическим модусом человеческого бытия, является существование вооруженного насилия (**насилие II**). Многочисленные археологические находки доисторического периода включают останки людей и животных со следами ран, нанесенных с помощью оружия [3]. Результатами орудийной деятельности первобытного человека были не только искусственные приспособления, помогающие

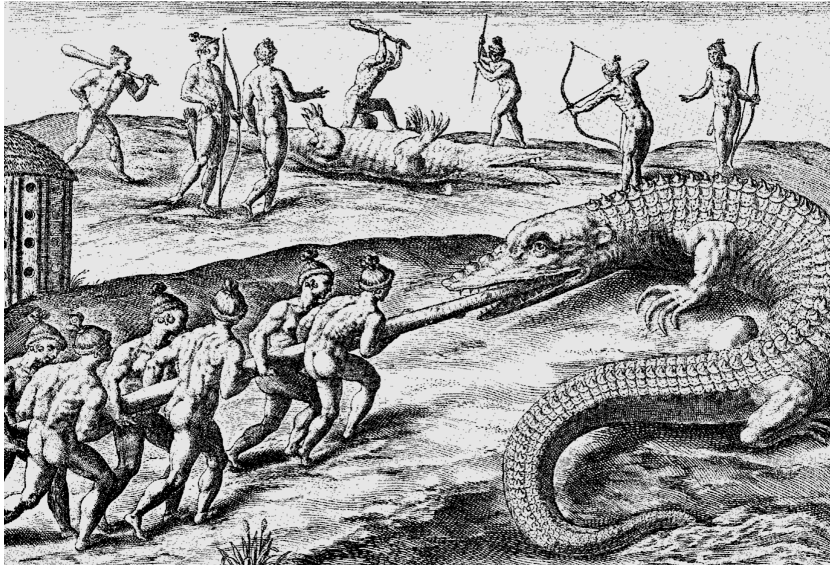


в быту, но и средства нападения (пики, ножи, луки, стрелы), а затем и — защиты (щиты, примитивные доспехи). Как известно, собирательство и охота долгое время выступали основными способами добывания пищи. Они давали человеку огромные эволюционные преимущества, которыми он умело воспользовался. Со временем люди стали применять вооруженное насилие не только для выживания в условиях враждебной окружающей среды, но и для разрешения конфликтов внутри сообществ (подробнее см.: [11]). Ныне экзистенциальная значимость вооруженного насилия многократно возросла. К сожалению, — не в плане эволюционных преимуществ, а, напротив, — в плане роста глобальных рисков. Создание чудовищных запасов средств массового уничтожения сделало реальной угрозу самоуничтожения человечества.

Вооруженное насилие нельзя отождествлять с военными действиями, войной (**насилие III**). Этот вид отличает, прежде всего, наличие и применение армии, вооруженных сил, то есть специально обученной и организованной особым образом группы людей, противостояние которых и составляет содержание вооруженного конфликта (войны) [10]. Помимо использования специальных технических средств вооруженные силы действуют по специально разработанным правилам (уставы, планы военных компаний). Подготовка и ведение войны немыслимы без мобилизации материальных и организационных ресурсов социума, то есть без разветвленных тыловых служб. Наконец, военные действия обычно подкреплены мощными идеологическими компаниями. Перечисленные факторы отсутствуют в вооруженном насилии, скажем, в преступлениях с использованием огнестрельного оружия. Поскольку военные действия, как правило, сопряжены с ог-

ромными разрушительными последствиями, человеческими жертвами общество предпринимает специальные усилия по смягчению подобных последствий. С одной стороны, внутри армии действуют свои законы и правоприменительные практики, отличные от гражданских, и призванные ограничить армейскую жизнь стенами военных городков и заборами полигонов. С другой, в теорию и практику международного права введено понятие “военные преступления”; они квалифицируются как преступления против *человечности*, и подсудны не национальным военным судам, а международным военным трибуналам. Ввиду исключительной серьезности к преступлениям против человечности неприменим срок давности. К сожалению, в последние десятилетия в силу конъюнктурно-политических причин данный механизм стал терять былую действенность, которую в свое время показал Нюрнбергский процесс. Так, Гаагский трибунал по бывшей Югославии продемонстрировал явную политическую ангажированность.

Одной из распространенных и вызывающих неутрахающие споры разновидностью насилия являются действия и установки, направленные на сохранение, воспроизводство и защиту социальных институтов (государства, семьи, церкви, собственности, права, морали и др.) [**насилие IV**]. Речь идет не об институционализированном насилии как альтернативе стихийных действий. Имеется в виду система норм, запретов и предписаний, охраняющих сложившийся порядок вещей, а также специальные организации, задача которых заключается в том, чтобы обеспечивать выполнение соответствующих требований. Это — правоохранительные органы, силовики, проправительственные общественные организации (радикальные, вроде Союза русского народа в дорево-



Охота туземцев на
крокодилов во
Флориде. Из книги:
Вселенная и
Человечество. Т. 4.
СПб.: Т-во
“Просвещение”. Б.г.

люционной России или умеренные — дружинники в советское время).

Возникшая с развитием цивилизации институциональная организация общества открыла новые дополнительные возможности его развития. Организационный ресурс (первоначально в виде разделения труда и кооперации) дал человеку огромные преимущества, связанные с возможностью концентрации сил для решения возникающих задач. Вместе с тем институционализация сопровождалась ростом числа запретов и ограничений для индивида, вызванных необходимостью ограничивать индивидуальные запросы в целях решения общих проблем. Со временем противоречие между частным (приватным, партикулярным) и общим только нарастало, что и потребовало разработать механизмы преодоления этого фундаментального антропологического конфликта. Степень его остроты зависит от множества обстоятельств, которые в существенной мере определяют необходимость и меру применения насилия.

В целом рефлексии по поводу насилия, обеспечивающего сохра-

нение и воспроизводство социальных институтов противоречивы. С одной стороны, все согласны, что государство, демократия должны уметь себя защищать, с другой, — выбираемые для этого меры многие интеллектуалы, в том числе мировые авторитеты считают морально неприемлемыми. Именно имперское государство стало главным объектом критики Л.Н. Толстого в его концепции непротivления злу насилием. Х. Аренд доказывала, что преступное государство (нацистская Германия) не может служить оправданием аморальных, бесчеловечных поступков чиновников — “винтиков” его бюрократической машины. Эта идея заложена в основу одной из основных норм современного гуманитарного права: исполнение преступного приказа является преступлением даже для военнослужащего, и наличие такого приказа не освобождает исполнителя от ответственности за содеянное.

Разновидностью системоподдерживающего насилия, призванного восстановить пошатнувшееся в силу разных причин положение вещей, являются попытки уничтожить появляющиеся ростки нового



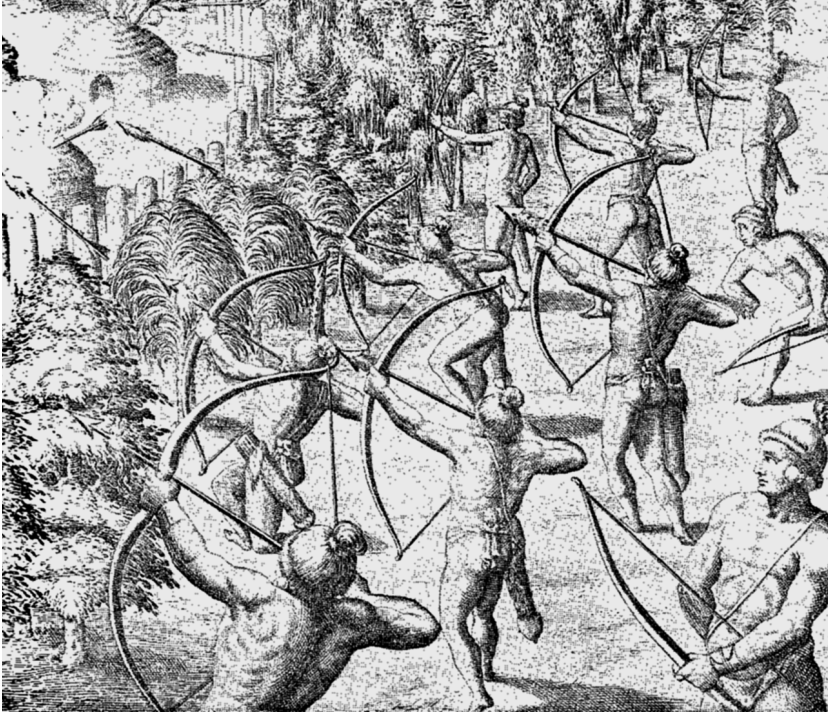
[назовем его **насилие IVa**]. Среди ярких примеров: Варфоломеевская ночь, заговоры роялистов времен Великой французской революции, мятежи монархистов и Белое движение в послеоктябрьский период в России. Характерные черты подобных акций — фанатичная уверенность их участников в своей правоте и чрезвычайная жестокость, объектом которой являются сограждане.

Любой социальный институт испытывает потребность в совершенствовании и развитии. Соответствующие изменения осуществляются с помощью инновационного насилия (**насилие V**). Как правило, это проводимые государством масштабные социально-экономические преобразования, программы модернизации. Строительство Санкт-Петербурга, Николаевской железной дороги в царской России, индустриализация и коллективизация в советское время — эти и подобные им проекты сопровождались принудительным перемещением больших масс людей, человеческими жертвами. Впрочем, в советскую эпоху были и масштабные проекты, не основанные на массовом принуждении людей (освоение целинных и залежных земель в 1950-е, строительство Байкало-Амурской магистрали в 1980-годы).

Насилием в концентрированном виде является социально-политическое насилие (**насилие VI**): революции, терроризм, государственные перевороты, дворцовые заговоры и т.п. Радикальные социально-политические проекты, как светские, так и с религиозным оттенком осуществляются во имя справедливости — одной из фундаментальных общечеловеческих ценностей. Неизбежное в данном случае насилие вдохновители и идеологи преобразований рассматривают как временное, надобность в котором, якобы, упадет после победы. Николай Морозов, идеолог народовольческо-

го террора провозглашал в 1880 году: “террористическая борьба немедленно прекратится, как только социалисты завоюют для себя фактическую свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия, — эти необходимые условия для широкой проповеди социалистических идей” [7]. В.И. Ленин в работе “Государство и революция” обосновывал мысль, что главными политическим условием построения социализма является установление *диктатуры* пролетариата — ничем не ограниченного вооруженного насилия трудящихся масс; по мере успехов коммунистического строительства необходимость в диктатуре пролетариата сойдет на нет, а государство отомрет. И.В. Сталин, в принципе не отрицавший эти идеи, внес существенную новацию: “по мере нашего продвижения вперед, к социализму сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться” [13]. Этот сомнительный с точки зрения классического марксизма тезис послужил, как известно, идеологическим оправданием Большого террора.

Вопрос о революционном насилии и его оправданности (за исключением случаев экспорта революции) во многом зависит от политической культуры страны. В России использование насилия в политической борьбе имеет свои давние традиции. Выскажу, может быть крамольную мысль: убийство Бориса и Глеба, Андрея Боголюбского, опричина, гибель царевича Дмитрия, смертный приговор царевичу Алексею, убийство Петра III, Павла I — все эти события отложились в исторической памяти народа и непроизвольно выкристаллизовались в идею о допустимости насильственных действий в отношении верховной власти, послужили психологическим оправданием для террористов — от



Индейцы Флориды
поджигают при
помощи стрел
вражескую деревню

боевиков-народовольцев до тех, кто санкционировал расстрел царской семьи в 1918 году.

Историческую обусловленность имеют и некоторые культурные практики, использующие насилие (**насилие VII**). Речь идет о санкционированных традициями, нормами, обычаями насильственных действиях в отношении *других* (кровная месть, человеческие жертвоприношения) или в отношении *себя* (самопожертвование, самоубийство, самокалечение¹, эвтаназия²). В последнем случае большинство поступков являются социально неодобряемыми действиями — за исключением самопожертвования, как высшей формы альтруизма. Другое дело, что в ситуации, когда человеку приходится выбирать “меньшее из зол”, причем в собственной системе координат, насилие над собой считается допустимым. В целом же, с точки зрения основополагающих принципов любой культуры, находящийся на стадии цивилизации,

насилие рассматривается как зло, а жизнь как высшая ценность. Но поскольку культура — многогранная и многоуровневая система, содержащая в снятом виде различные человеческие практики, в ней сосуществуют противоположные установки.

Одной из распространенных форм выступает криминальное насилие (**насилие VIII**). Сюда же следует отнести и борьбу с преступностью. Противодействие последней можно считать разновидностью насилия IV, то есть системоподдерживающим насилием, в то время как криминальное насилие является прямо противоположной практикой — формой отклоняющегося поведения. Но рассмотрение их по отдельности во многом является искусственным, поскольку борьба с преступностью это вынужденный “зеркальный” ответ на криминальное насилие. Только первая — социально одобряемая практика, детально регламентированная законами и ведом-

¹ Речь, прежде всего, идет о практике нанесения вреда собственному здоровью с целью уклониться от воинской службы.

² В строгом смысле слова, эвтаназия не является насилием над собой, поскольку “помощь” в смерти пациенту оказывает врач по согласованию с родственниками. Практика эвтаназии получила распространение относительно недавно, поэтому здесь остается много дискуссионных вопросов. См., напр. [2].



Воин джагга
(Восточная
Африка). Из книги:
Ратцель Фр.
Народоведение.
Т. 2. СПб.: Т-во
“Просвещение”.
Б.г.

ственными инструкциями, а преступность — маргинальный феномен. Криминальное насилие и противодействие ему — одна из наиболее разработанных в литературе тем [1], поэтому мы не будем останавливаться на ней подробно.

В отдельную группу целесообразно выделить принуждение, за-

преты, ограничения, ущерб как реакция, ответ на неправомерные действия другого (насилие-воздаяние или **насилие IX**). Речь идет о наказании, мести, возмездии. Представления о неправомерности действий другого могут быть весьма субъективны. Однако важен сам принцип воздаяния за содеянное, закрепленный в человеческом обществе. Сегодня обозначенная установка воплощена в основополагающем принципе уголовного права — *неотвратимость* наказания за преступное деяние. Его мера и степень определяются законодательством. Вместе с тем принцип “око за око” прочно вошел в повседневную жизнь в виде весьма произвольно трактуемых людьми оснований для мести.

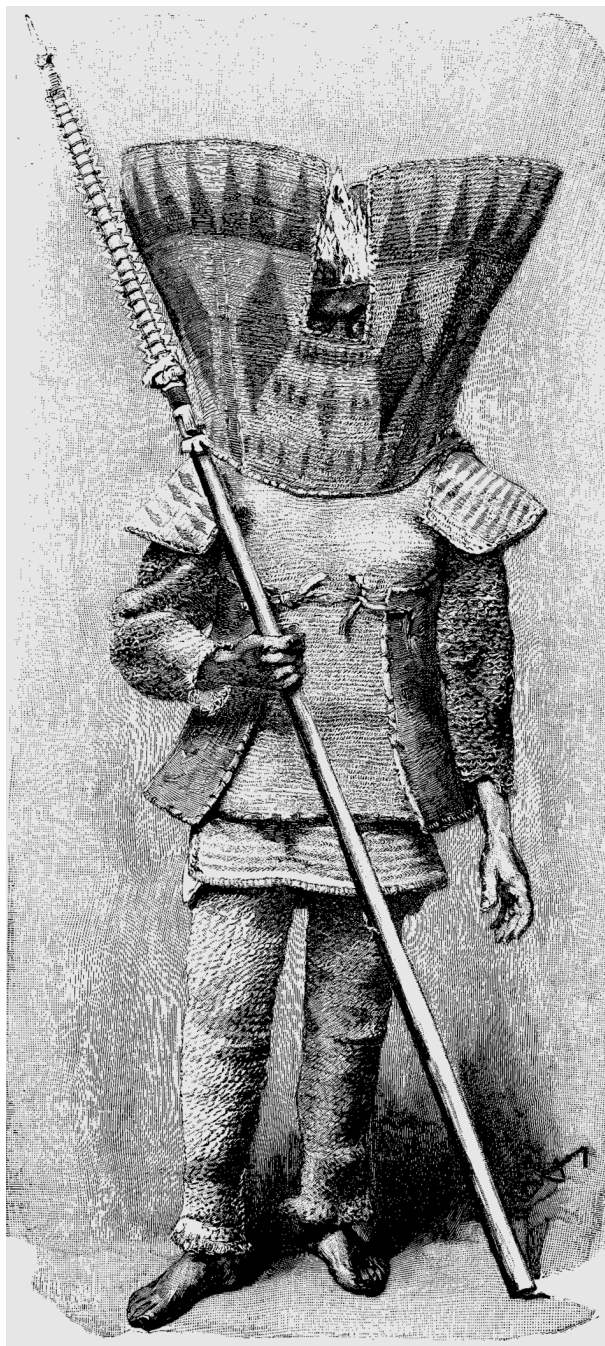
Весьма распространено и достаточно подробно исследовано психологическое насилие, заключающееся в воздействии на психику человека путем запугивания, угроз, что может нанести существенный ущерб здоровью. По нашему мнению, эта разновидность является частью более широкого класса явлений — символического насилия [**насилие X**]. Оно также включает харизматическое господство [4], манипулирование массовым сознанием (пресловутые технологии нелинейного программирования), информационные войны. С одной стороны, данный вид насилия используется для морально-политического обеспечения различных силовых акций. С другой, — осуществляющие его институты и структуры все больше выходят из-под контроля и приобретают автономное существование, несмотря на многочисленные наблюдательные советы, постоянное совершенствование законодательства, массу антиутопий-предупреждений.

Завершают классификацию установки и практики, отрицающие насилие (**насилие 0**). По нашему мнению, необходимость выделения такого кластера продиктована тем, что в многочисленных

дискурсах, отрицающих насилие, содержатся важные и ценные соображений о природе и формах бытования насилия.

К рассматриваемой группе можно отнести идеи непротивления злу насилием (Л. Толстой), принцип благоговения перед жизнью (А. Швейцер), теорию и практику пацифизма, некоторые другие учения, отрицающие насилие. Так, на прошедших недавно XVI Фроловских чтениях (ноябрь 2016) академик А.А. Гусейнов, высказал мысль о необходимости всеобщего запрета насилия. По его мнению, подобный запрет, как интенция, имеет место быть в современном цивилизованном мире. Однако на практике сплошь и рядом люди, государства, прибегают к насилию, рассматривая это как **исключение**. Тем самым оправдывается его применение в принципе. Между тем многие последствия насилия, прежде всего, смерть человека необратимы. Отказ от насилия А.А. Гусейнов считает необходимым условием существования человечества как реальной планетарной общности.

Помимо упомянутой установки, теории и практики ненасилия, пацифизма альтернативой насилию выступает, на наш взгляд, *комплиментарность* — доброжелательная заинтересованная поддержка другого с целью обеспечить комфортные, благоприятные условия взаимодействия. Предложенное понятие восходит к термину “комплемент” (от лат. complementum — дополнение), введенному в 1899 немецкими учеными П. Эрлихом и Ю. Моргенротом. Система комплémentа — группа белков, которые циркулируют в крови — призвана отличить “свое” от “не своего”, поддержать в другом то, что тебе близко, полезно твоим интересам, найти общее, то есть небескорыстно, но с адаптивными целями [12]. Комплиментарность, аналогично агрессии, также представляет собой адаптивную



стратегию, только с противоположным знаком. Она находится в ряду таких феноменов человеческого бытия как эмпатия (наиболее близкий феномен), сочувствие, взаимопомощь, кооперация, нако-

Воин масай
(Восточная
Африка) в доспехах
местного
изготовления



ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД



нец, любовь. Все эти, направленные во вне установки, призваны обеспечить диалог как противовес конфронтации. Последний представляет более сложный и трудоемкий способ взаимодействия по сравнению с противостоянием и тем более — с открытой агрессией. Преференции, выгоды от диалога несят не сиюминутный, а “отложенный” характер. В долгосрочном плане это наиболее успешная адаптивная стратегия, оптимальный способ сосуществования. Типичными формами комплиментарности являются *методы разрешения конфликтов* (действия враждующих сторон в процессе заключения перемирия/мира), *навыки общения с “чужими”* (детально регламентированный прием иностранных делегаций, продвижение товаров на новых рынках, существующая у многих народов традиция обязательного гостеприимства для путников), *патерналистские практики* (различные виды шефства, опеки, благотворительности, забота местного населения о беженцах, мигрантах, военнопленных) и т.д. Предложенный подход — дополнительный аргумент в пользу точки зрения, что агрессия не имеет абсолютного характера, не является обязательным пусковым механизмом насилия. Бывают даже ситуации, когда агрессия сменяется комплиментарностью. Наиболее известный пример — Стокгольмский синдром (установление эмоциональной близости между террористами и заложниками, которая в некоторых случаях приводит к сотрудничеству).

Таким образом, в наш перечень (классификацию) вошли следующие разновидности насилия:

- насилие как специфический атрибут существования вида *homo sapiens*, признак, отличающий его от животных [I];
- вооруженное насилие [II];
- военное насилие [III];
- системоподдерживающее применение насилия [IV];

- инновационное [V];
- социально-политическое [VI];
- культурно санкционированное насилие [VII];
- криминальное [VIII];
- насилие-воздаяние [IX];
- символическое [X];
- ненасилие [0].

Нетрудно заметить, что некоторые формы насилия частично пересекаются, например, вооруженное — с военным, социально-политическим и криминальным, насилие-воздаяние — с системоподдерживающим, военное с культурно санкционированным и т.д. При увеличении числа критериев и более четкой их методологической калибровке “дублирование”, надеемся, должно исчезнуть.

Подробнее остановимся на террористическом насилии. Терроризм, по мнению автора, представляет собой действия индивида или группы лиц, направленные на устрашение других людей, подчинение их своей воле в целях установления порядка, декларируемого идеологией (приверженцами которой являются террористы); при этом используются методы, выходящие за рамки принятых в данном сообществе способов разрешения конфликтов, прежде всего психологическое, и физическое насилие, имеющее конкретно-не-избирательный характер, то есть объектом и жертвой которого являются случайные люди.

С точки зрения выдвигаемых целей терроризм в нашей классификации относится к социально-политическому насилию. Довольно часто в нем присутствуют мотивы насилия-воздаяния, возмездия правящей верхушке за творимую несправедливость, за преследование товарищей по борьбе.

Нередко высказывается мнение, что терроризм представляет собой “нелегитимное насилие”, “безадресное насилие”, “насилие, выходящее за рамки правового поля”, “особо жестокое”, “бессмыс-



Осень 1917 года.
Смотр женского
батальона смерти.
Из книги: История
гражданской войны
в СССР. Т. 1. М.:
ОГИЗ.1938

ленное” и т.п. Все эти атрибуты, действительно, имеют место. Однако безжалостность и жестокость далеко не всегда обеспечивают достижение главной тактической цели террористов — устрашение, деморализация населения и властей. Эффект устрашения достигается, во-первых, в силу неожиданности теракта. Повседневной нормой (для европейца, во всяком случае) является внешне сдержанное поведение; конфликту, демонстрации агрессии предшествует хотя бы минимальное обозначение своих намерений, требований. Естественно, беспорядочная стрельба (взрыв) в общественном месте не просто пугают своей внезапностью. Блокируются привычные способы реакции. Кочующая из фильма в фильм сцена нападения вооруженных преступников на банк с возгласом “Это ограбление!” — не просто штамп голливудских режиссеров. Он отражает идеально-типическое представление о “цивилизованном преступлении”. Сам факт преступления является социально неодобряемым поступком, но в цивилизованном обществе жертва ограбления *имеет право* знать, что она жертва. Внезапная террористическая атака нацелена в том числе и на нарушение прав людей, что вызыва-

ет у человека дополнительный стресс. Во-вторых, устрашающий эффект достигается за счет приемов и методов, выходящих за рамки культуры данного сообщества, бросающих ей прямой вызов. Характерный пример — применение большегрузного автомобиля в качестве средства массового убийства в условиях города.

Еще одна отличительная черта почерка террористов — конкретно-не-избирательный характер насилия. Что имеется в виду? Любой теракт локализован по месту и времени, но не по объекту. Выбранная цель лишь маркирует принадлежность мишени к объекту “возмездия” или устрашения. Иными словами, место и время теракта, как правило, выбираются, исходя из установки максимизировать причиняемый ущерб, в частности, число человеческих жертв. Точечный удар, пусть и масштабный, может быть нанесен теоретически где угодно.

Конкретно-не-избирательное насилие присуще также войне, то есть санкционированным легитимными властями насильственным действиям. В данном случае главная задача — нанести максимальный ущерб противнику и неважно, какая военная часть заняла оборону в противоположном окопе.



В основе конкретно-не-избирательного насилия в ходе боевых действий лежит логика решения военно-политических задач, а не представления о справедливости или несправедливости войны. С точки зрения нанесения ущерба, последняя ничем не отличается от терроризма.

По характеру насилия терроризм отличается от криминальных преступлений. В последнем случае насилие имеет конкретно-избирательный характер, хотя жертвами преступников могут и часто бывают случайные люди. Криминальные преступления носят мотивационно-адресную направленность: обогащение путем “экспроприации” имущества конкретных лиц и организаций, межличностный конфликт (ревность, месть, личная неприязнь), культурно-мировоззренческое противостояние (соперничество футбольных фанатов, межконфессиональные конфликты на бытовой почве, внутриселенческое столкновение “своих” — “чужих”, межрегиональный конфликт коренных жителей с мигрантами), религиозные распри (борьба между приверженцами “истинного” понимания вероучения и “еретиками”). Во всех этих и подобных случаях у насилия есть *конкретный* адресат (пусть и обезличенный), а возможные жертвы среди оказавшихся поблизости людей являются случайными.

Предпринятая попытка классификации позволила, на наш взгляд, показать, что истоки насилия коренятся в различных социально-исторических обстоятельствах. А priori данный факт представляется самоочевидным. Однако из описания конкретных форм насилия явствует, что а) логическое и историческое в образовании каждой формы далеко не всегда совпадают; б) функционально продуктивные и необходи-

мые типы насилия необязательно имеют положительную моральную маркировку; в) безусловно, негативные формы насилия могут включать санкционированные культурой элементы (например, факт самопожертвования террористов-смертников во имя идеи). Следовательно, построение многомерной типологии требует особо тщательной калибровки критериев.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998.
2. *Быкова С.Ю., Юдин Б.Г., Ясная Л.В.* Эвтаназия: мнение врачей // Человек. 1994. № 2.
3. *Вишняцкий Л.Б.* Война до исто-рии // Человек. 2016. № 6.
4. *Вебер М.* Харизматическое господство / Пер. с нем. Р.П. Шаповой // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 139–147.
5. *Гусейнов А.А.* Насилие и ненасилие // Вопросы философии. 1994. № 6.
6. *Мальцева А.П.* Насилие как феномен и как понятие // Человек. 2013. № 3.
7. *Морозов Н.* Террористическое насилие. Женева, 1880.
8. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
9. *Тевлюкова О.Ю.* Категория насилия в социологии: опыт теоретико-методологического анализа // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Новосибирск, 2005.
10. *Снесарев А.* Философия войны. М.: Ломоносов, 2013. 288 с.
11. *Тейлор Э.Б.* Первобытная культура / Пер. с англ. Под ред. В.К. Никольского. М.: ГОЗЭГИЗ, 1939. 567 с.
12. URL: <http://humbio.ru/humbio/immunology/imm-gal/000b3eaa.htm> (дата обращения 02.01.2017)
13. URL: http://sceptesis.net/library/id_946.html